

ПОЭТ, ВОЖДЬ И ПЕДОФИЛЫ

Хороший наш народ. Хорошие у него поэты. Вот подумаешь, оглянешься - на трагичном литературном поле вроде никто не пропал, не затерялся из тех, кто достойно и терпеливо нес свое дарование людям: ни Александр Полежаев, ни Дмитрий Кедрин, ни Павел Васильев, ни Борис Корнилов, ни Иван Приблудный, ни Сергей Чекмарев... А ведь о них вблизи, как говорится, не вспоминают, но знают их далеко и основательно. Их стихи, их известность - святое упорство их таланта. Даже тюрьмы, даже расстрелы не отобрали их у нас!

Когда я читаю Владимира Семакина, я почему-то привычно, да, привычно, отношу его имя к тем именам, о которых мало заботятся возле трибун, и творчество их, этих поэтов, само себя ведет по жизни, через годы, усваиваясь посреди трудовых и ратных дел сограждан:

Не впервые стою у истока,

где рождается Кама-река,

и рукою подать - невысоко -

над лесами плывут облака.

Владимира Семакина, слава богу, - не преследовали, не судили, не угнетали. Живет спокойно. Если поэт не кривит, не изворачивается, не ловчит со средой и временем, а принимает, дышит его бедами и его отвагами, восторженно или наоборот - трагически

осмысливает, как собственное осознанное и горько болевое "Я", то слово поэта наполняется гражданственным чувством, государственной значительностью и, безусловно, достоверностью страсти и художественной красоты, пластичности и музыкальности.

В приведенной мною строфе звуки "ст" - стою и "ст" - у истока, и звуки "р" - рождается и "р" - Кама-река, звуки "с" - у истока и "с" - высоко, и такая коренная неподвижность, почти кондовость тяжеловесная - "стою у истока, где рождается Кама-река", а тут же, наперекор предшествующему состоянию, - "и рукою подать - невысоко - над лесами плывут облака". Два разных состояния слились в одно: устойчивость и корневитость и вечное мятущееся движение природы, как основа обновления и покоя.

В себе самом действует поэт, в себе самом, но идет он с результатами размышлений и мучений:

Легко шагается в леса,

Зато обратно, охоньки;

в леса - пустые туеса,

а из лесу - полнехоньки.

Чего здесь "доказывать", что лес - наше богатство, что лес - наше здоровье и философия? Так видно. Так слышно каждой кровинкой сердца!

Добрый человек - Владимир Семакин, опытный и честный поэт. Родился он в 1923 году в Удмуртии. Мать поэта - учительница. Отец - рано взявший на себя тяготы "переустройства" деревни, - активист. Семья - подвижная, мобильная, готовая пойти, поехать, сказать, сделать во имя веры в лучшее, во имя обоюдной нормальной доли и

судьбы земляков. Удмурты - народ застенчивый, очень много в них тех же изумительных качеств, что и в их соседях, русских: отзывчивости, уважительности, патриотической прочности, работности.

С малых лет - рядом русская и удмуртская песня, русская и удмуртская речь, одинаковая радость, одинаковое горе... Многодетные избы. Нужда. Голод. Холод. И - родная мудрая природа, оберегающая людей, как малых детей:

Да кто? Ну, конечно опенки -

семья неунывных грибов!..

В дупле, как детишек в избенке,

их чертова дюжина лбов.

Опенки...

Их ноженьки тонки...

И разве семьей не такой

братеники,

братья,

сестренки

росли мы над нашей рекой?

О большом и многосемейном горе Владимир Семакин поведаёт так природно, так исторически, что мы как бы во всем этом громадном неуютном берегу, черпаем силы для одоления, для выхода из черной бездны к свету, к твердому спасительному порогу. И "неунывные грибы" и "братеники, братья, сестренки" тут, с тобою, живые, осязаемые, у плеча твоего. Поэт вообще избегает прямой внезапности и, как "обустроившийся" около тебя приятный собеседник, обращает твое внимание на факт, на тот или иной случай.

Вступая в разговор о неприходящем значении природы и о бесконечности открытий человеком, поэт остро подмечает связь между пытливостью разума и "традиционностью" земли. Электричество - разум. Но электричество - и природа. Заложённая полезность в технике издревле существовала в природе. Нередко природа нам и подсказывает:

А земных созвездий целый ворох!

Лишь село откроется с горы,

Тут и там подсолнухи с задворок

светятся, как звездные миры.

Ни на чем не сделано насечек –

и никто не знает: сколько лет

пострекун - восторженный кузнечик -

был в лугах предтечею ракет.

Мы горды их скоростью,

послушной

физикам, но это не предлог,

чтобы кто-то,

вряд ли простодушный,

так бесцеремонно пренебрег

Воронком, и Сивкой, и Савраской,

скинув их со всех счетов долой

заодно с былиною и сказкой,

с песнею о тройке удалой.

Природа - наука, постоянно работающая душа поэта существует в осознанных соизмерениях лет и веков, деталей и событий. Казалось бы, из небытия памяти, из древностей легенд, из хаотических предположений и разгадок берут начало обычные реальности, нравственный и культурный прогресс, но в этом "казалось бы" - неостановима энергия роста человека, его пророческого самовыражения и его созидательных начал.

* * *

Владимир Семакин любит слова "исток", "чудо", "сказка", "сестренка", "брат", "созвездья", "родина", "родник", слова заглавной истины, конкретности, цельности, высоты. Есть у него даже стихотворение, названное родниково - "Край родниковый", стихотворение-родник, давшее позже имена многим чужим стихотворным циклам, поэмам, книгам, альбомам и т.д... Определение "Край родниковый" шустро приняли журналисты, писатели, художники, и оно понеслось, поехало, покатилося по разноязыкой стране. Естественно, что такое красивое определение родилось в устах и в сердце народа, но поэт есть поэт, он берет слово и дает ему крылья, а иному слову поэт дает и новую жизнь, новый простор. Доля и призвание поэта - выходить из народа, как витязь выходит из моря, из беспокойных, бессмертных вод.

Родина - родник. Истина - родник. Песня - родник:

Звезды,

почти что касаясь плеча,

падают

в самую кипень ключа,

звезды, влюбленные

в твой непокой.

Край родниковый,

вот ты какой!

Да, главный космос - под нами. Имя ему - Земля. А космос звездный - отражение в роднике... Звездный космос - грядущая свобода и чистота земли. Космическая "ностальгия" Владимира Семакина - в земной ясности, в земной благородной истине. В человеколюбии души и слова поэта звенит улыбка, работает молодость духа:

Нежный-нежный, не жжется, не колется, -

из конца окоема в конец

голубым-голубо колоколится

за околицей лен-долгунец.

Что-то есть безмятежно-безбрежное

в этой нежности летнего льна.

Ничего тут волна перемежная

Ни взмутить, ни смутить не вольна!

Так покойно и голубо-зелено

это поле в залесной глуши –

словно роздых никем не измеренной

и отходчивой русской души.

Небольшое стихотворение, а сколько тут "колокольцевого", окающего добродушного лукавства, уважительности, здоровья! Тут нет даже и опаски перед силой "переменной", перед ее коварной скрытностью, перед ее настырной поточностью - засорять; мять, калечить стройность и красоту природы, ее свет, ее очарование...

Владимир Семакин любит слово, знает слово и отлично владеет им. По любви к слову, по терпеливости и бескорыстию работы со словом ему близок ныне один поэт из живущих, из его поколения - Николай Тряпкин. Николай Тряпкин так же, как Владимир Семакин, честен и верен перед родным словом. Его стихи невозможно спутать с какими-либо другими, чьими-то, стихами. Они удивительно независимы "корнем" слова, остротой страдания, совестью:

Листья дубовые! Листья дубовые!

Стук желудей!

Пусть расползутся ненастья суровые

С наших полей.

Ничто не может стать во главу песен, кроме Родины, кроме отчего края. Эта истина старая, но в ней горит вечно юный огонь призвания, огонь заботы человека, дух личности во времени и пространстве.

Могучие крылья Урала, их мужественный ветер слышат удмуртские поля и луга, холмы и перелески. Сыновняя благодарность, любовь к Уралу, восторг и гордость перед его гвардейской храбростью, радость, надежда на его трудовую доблесть - все эти чувства находят место, широкое и раздольное, в творчестве Владимира Семакина. Давно живя в

Москве, поэт часто возвращается к "родникам родословной", прикасается памятью к вечному - к прошлому, зовет к обережению:

Тут всю страну увидишь разом,

В Москве, в лице моих друзей,

Урал встречается с Кавказом,

С Невой - Амур и Енисей.

...Волнуясь, еду к землякам я,

и если скомкается речь,

и по глазам моим Прикамье

поймет всю радость этих встреч.

Не будем повторяться-утверждать безоглядно, что ныне планета - человечеству. А ручеек, изба, в которой вырос, - ограниченность, узость взгляда и разума?.. Сейчас, как нам известно, страшная опасность - атомная катастрофа, катастрофа отравления, ведь она способна сгубить природу, землю, уничтожить ландыш, сжечь черемуху, опустошить лебединые озера разбойной жестокостью. А человек? Почему же, если мы так стремимся упасти природу, не упасем самого человека в ней? Не сбережем его разновидность, его наследственное лицо?

Заменяя человека роботом на заводе, на пашне, в звездолете, мы, тем более, "подчеркиваем" его неповторимую неоднозначность, его богатейшую и необходимую в природе и в людях самобытность, индивидуальность. Не собрать же букета из одного цветка. Не собрать. А роботом не заменить человека.

Владимир Семакин - поэт русский. Слово его содержательно. Стих его мелодичен, легко западает в душу. Легко запоминается. Как говорил Есенин, - национальный орнамент слова необходимая часть произведения, и русскому поэту без русского характера призвания в народе долго не удержаться... Интернациональное чувство и общечеловеческое чувство выполняют свою миссию лишь тогда, когда под ними заложен прочный национальный фундамент личности, нрава народа, его гуманность и его исторический интеллект. А не челночное диссидентство.

Нужно прочесть стихотворение Владимира Семакина полностью, чтобы понять в нем насущную мысль, понять и помножить свою боль на боль поэта, стихотворение - гнев, обида: "То клеймо назойливой латыни, то иная мертвая печать, только вас, купавки - золотые, любо мне по-русски величать. Может, невелика, да разлика... Слава богу, Русь не безъязыка! Только кто там, что это за клика заступом орудует спеша? Воздух содрогается от крика, дескать, грубо слово черемша, что-то долго княжит княженика, чересчур ежиста ежевика, слишком разметелилась метлика, что-то шум большой от камыша!.. Вот и глушат бешено и дико, непонятной яростью дыша: зарывают заживо - и ша! Может, невелика, да улика: кровью обливается душа".

У каждого дерева, у каждой травинки свое место в природе, своя в них необходимость у человека, свое у них название, чутко и мудро соответствующее не только их внешнему облику, облику дерева или травинки, но и внутреннему их смыслу, организованному землею и солнцем.

* * *

Высокий патриотизм, высокие гражданские страсти и мысли поэт передает читателю на высоком тоне, на высоком разговоре "о бытовом, о давно знакомом" - траве, цветах, лугах и прочих известных "дополнениях" к нам, к нашему окружению. В данном случае этот "высокий тон" никаким другим, пафосным или эстрадным, разумеется, не заменить, поскольку все - точно, прицельно, откровенно. Все - из сердца, из души. Все - горькая правда. А чем правду заменишь?

Богатая звукопись слова, дополнительная строка, повторяющая размер и ритмику строфы в процитированном выше стихотворении, повторяющая еще и еще окончание, рифму, усиливает воздействие стихотворения на душу, помогает вникнуть в обилие "имен", представить яркий мир трав, мир нашей колыбели. Национальная "битня" в грудь, разрывание рубахи, ячество смешны для нормального человека. Но и национальное равнодушие, национальная рахитичность - не находка для государства, для движения его к прогрессу. Безликость, внутренняя аморфность, презрение к совершенству - завтрашний Чернобыль, авария судьбы...

Я, например, не раз встречал "туристов", наших, не чужих, напичкивающих чемоданы дешевой заморской серятиной - от брюк, джинсовых, до халатов, домашних. Совестно и обидно глядеть на такое, как, прямо скажем, совестно и обидно пить подозрительно мутную жижу, "кока-колу", рядом с холодным русским квасом.

Качество на качество не приходится и вкус на вкус тоже. Думать о родном и беречь в себе родное, ведущее тебя через жизнь, не затея, не прихоть, а великая дисциплина и достоинство. Да и уметь нам пора - не хуже за границы шить и строить. Несуразица, разгильдяйство, неряшливость - банальнее "кока-колы", и поэт грустно иронизирует:

Но я люблю ядреный этот квас,

пусть у кого-то от него гримаса.

Хочу остаться - рыцарь не на час —

а что стыдиться! - патриотам кваса.

Уж лучше быть евоным, чем ничьим, -

ничьих и так по самую завязку.

Да не забудем,

да не умолчим

про русский квас и русскую закваску!

Закваска - дело серьезное!.. Поэты, рожденные среди других братских народов нашей страны, русские поэты, несут ту самую интернациональную закваску общей нашей дороги и энергии, ту братскую связь, которую мечтают разрушить наши недруги-гости, от "врачевателя" польского народа, "американца" Бжежинского, до матерого сиониста Кхане, а между ними - рядовые бандиты, министры, генералы, премьеры и президенты. Не хочу повторить: закваска - дело серьезное!

Какому расисту понравятся вот такие прекрасные стихи русского поэта Александра Филиппова, живущего в Башкирии, воспевающего ее изумительные просторы, там рожденного и вскормленного той орлиной синевой Салавата Юлаева:

У причала чайка прокричала

И упала за седую ель,

Где же ты берешь свое начало,

Белая, как чайка, Агидель?

Кама, Волга, Ока, Енисей, Яик, Агидель, Иртыш!.. По берегам этих знаменитых богатырских рек, ныне полуотравленных грязнокожей промышленностью, живут разные народы, разные поэты, но все они вместе едины - по устремленности к доброте, к человеческому уюту, к порядочности и справедливости, едины - по беспокойству о природе, о ее болезненном состоянии.

В свое время Владимир Семакин помог выйти на твердую литературную дорогу Олегу Поскребышеву, русскому поэту, не миновал Владимира Семакина и удмурт Фрол Васильев, лиричный, пронзительный, так рано, к сожалению, ушедший из жизни. Русский быт и удмуртский быт, русский характер и удмуртский характер народов духовно обогатили Владимира Семакина, дали более динамичную и более широкую гражданскую нагрузку его творчеству.

Скромный, сдержанный в суждениях и деловитый, Владимир Семакин, известный поэт, не менее известен и как литературный наставник, воспитатель молодежи. Сам я обязан ему своей первой книгой в Москве - "Ручное солнце", первые книги в столице выпустили с поддержкой Владимира Семакина Николай Рубцов, Борис Примеров, Вячеслав Богданов, Борис Куликов, Николай Благов, Владимир Гордейчев...

Людмила Татьяничева, Борис Ручьев с теплотою говорили о таланте Владимира Семакина, о его человеческой щедрости, его жесткой и умной редакторской руке. Можно смело присоединить к ним Владимира Цыбина, Федора Сухова, Геннадия Серебрякова, Станислава Куняева. Речь идет о географии забот Владимира Семакина, а не только о его земляках, Олеге Поскребышеве и Фроле Васильеве.

Удмурты - небольшой народ. Они издревле живут бок о бок с нами, русскими. По дорогам революций, по дорогам битв с чужеземными захватчиками мерцают обелиски горя и славы, под которыми лежат братья-солдаты, русские и удмурты. Наши обязанности друг перед другом нерасторжимы. Эти обязанности прекрасно понимал Фрол Васильев. Встречался я с ним довольно часто. И всякий раз отмечал в нем ту самую чуткость поведения, присущую неординарным людям. В свое время я сдружил его с Анатолием Жигулиным, чем-то, может, исповедальностью, похожим на Фрола Васильева. Хорошо почувствовал "пульс" Фрола Васильева и Эдуард Балашов. Эти русские поэты очень удачно поработали над переводами произведений Фрола Васильева.

Удмуртская литература дала Владимиру Семакину навык общения с братьями по перу, познакомила с интеллигенцией. Мать поэта окончила гимназию. К несчастью, погибла, когда ей было двадцать с небольшим лет. Володя остался у отца... В юности отец Володи, Кузьма Петрович Семакин, служил под началом прапорщика Сергея Лазо. Да, Сергея Лазо, легендарного героя гражданской войны, полководца, храбрейшего человека.

Кузьма Петрович Семакин нередко делился воспоминаниями о своем командире, рассказывал Володе о той грозной поре и пролитой братоубийственной крови... Сам Кузьма Петрович занимал ответственные посты в разных районах Урала. Был председателем волисполкома г.Уча. Избирался депутатом Верховного Совета Удмуртской Автономной республики. Потому, наверное, тема преодоления нашествия гитлеровской тьмы, тема страдальной России не перестает волновать поэта.

Владимир Семакин выпустил немного книг, но книги его - весомые, твердые духом, надежные. Можно назвать "Стихи", Ижевск, 1949 г., "Третья смена", Ижевск, 1951 г., "Край родниковый", Ижевск, 1956 г. И далее - "Перекаты", Москва, 1959 г., "Лирика", Москва, 1965 г., "Лен колоколится", Москва, 1971 г., "Краснолесье", Москва, 1972 г. и др. Теперь выходят однотомники его "Избранных стихотворений и поэм"...

Нас, поэтов русских, как только мы всполошимся о России, ядовитые "интернационалисты" тут же обвиняют в "шовинизме", "черносотенстве", "монархизме", "фашизме", не вникая в нашу национальную трагедию.

Но турков-месхетинцев Россия приняла, мы. Да куда, на какую землю, на землю

истерзанной Смоленщины - землю клятвы Михаила Илларионовича Кутузова!.. А почему же академик Сахаров молчит? Выступил бы по западному радио, похвалил бы русский народ. Молчит, Знает, западные кореша его за это по головке не погладят. Олесь Адамович молчит. Борис Васильев молчит. Рост молчит. Евтушенко молчит. Нельман молчит. Во, "прорабы" перестройки, - даже их Наталья Ивановна молчит!

А надо ли было переселять турок-месхетинцев в глубь России? Кто так поспешно задумал и поспешно выполнил такое переселение, не сами же турки-месхетинцы?.. И Станислав Куняев правильно тревожится в "Московском литераторе", рассуждая о нерядовом, чреватом внезапностями "верхнем" решении:

"Такой сложнейший вопрос, на мой взгляд, должен решать не Нишанов, а всенародный референдум, или съезд, или в крайнем случае заседание обеих палат Верховного Совета, ибо последствия подобного шага трудно предсказуемы. Мы уже переселяли малочисленные народы в другую среду и с горечью вспоминаем, к чему оно приводит".

* * *

Дожили мы до черной доли, до бездонного провала. Страна, от Беловежья и до Колымы, через смоленские, ярославские, уральские, сибирские леса, - вынуждена экономить на спичках: их нет в достаточном количестве. На базаре спекулянты заламывают бешеную цену за мыло, за папиросы, за булку, сдобренную сахаром и маслом.

Немцы докатились до Волги - ноги вытянули: попал в плен генерал - фельдмаршал Паулюс, тяжело ступая, высунулся из бетонного подвала, бессонно-сутулый и небритый. Гитлер ему не помог. Рейх ему не помог. Последующие годы мрачно думал, итожил, искал предел ошибок Германии, а их - не подсчитать, не зафиксировать в мозгу: цифра

астрономическая.

А мы - вперед! А мы - в развитой социализм окопом, табунами, ничего не опровергая, ничему не удивляясь, а - по программе, а - по уставу, принятому на очередном съезде КПСС. И сегодня еще дремлем: не спросим - почему крышу залатать нечем, почему заграничные тапочки мордой симпатичнее наших, почему нет покоя нам от "скачек" цен, законов, указов? Почему урожаи в России гибнут, а немцы посылки ей шлют? Спасибо им. Спасибо комлидерам СССР... Развал.

Вот зачитывается по радио и по экрану, печатается в газетах постановление - поощрять семьи, желающие построить себе дом, оградить и вспахать участок, заняться хозяйством, а где найдешь кирпич, тес, железо? Гвозди и те у нас из-под полы достают. Деревообделочные комбинаты, мебельные фабрики в Москве и под Москвою оккупированы лицами, прибывшими в Россию издалека. Южный акцент мешает им, лицам, слышать русскую речь, русскую нужду, русскую печаль: материалы уплывают в теплую сторону... А кто сидит на колымском золоте?

Терпение россиян - каменное терпение! Когда начинаешь сравнивать халупы россиян с гранитными "дачами" ловких "гостей", когда начинаешь сравнивать их барские дубленки с российскими ватниками, когда начинаешь сравнивать их жемчуга и наши пластиковые "ожерелья", - все становится ясно. Ясно становится - почему у них прирост населения в пять, в десять раз выше, почему у нас - траурные бабушки на пустых завалинках, в деревнях, ослепших от нищеты и государственного грабительства.

Конечно, и у них имеются бедные и богатые, как имеются они и у нас, бедные и богатые, но подобное "равенство" не лечит мятежных раздумий. Поезжайте в Подмосковье, наткнетесь на виллы, особняки, дворцы, возведенные торгашами, инспекторами, директорами. Дворцы, посаженные глубоко в землю и приподнятые над нею, толстые, расфуфыренные, наглые. Где для уникальных сооружений находят щебень, асфальт, камень, где берут мастеров, из каких производств? Но ведь - берут!

Спекулянты ныне - в господ превращаются. Воры ныне - законными владельцами именуются. Хапуги и блатяги ныне - почетные граждане. Мафия захолонула и опрокинула наше отношение к действительности, к труду, к обязанностям. Владимир Семакин чувствовал надвигающийся разлад, развал, ежился, содрогался, горевал, жалея судьбу многих поколений России.

Он вздыхал: "Какую страну, какую Родину загубили! Лишь доюлит, доползет, долезет до руля комлидер - перетряхивает уклад, перемалывает речами, создает нежданные хлопоты, неожиданные трудности, нехватки, озлобления и массовые недовольства. Мчатся комлидеры в Кремль, а так они отстали, так они отделились от народа - суть его потеряли, смысл его им чужд!"...

Добрый и мягкий по натуре Владимир Семакин не имел много ярко выраженных литературных врагов. Не имел он много и ярко выраженных друзей. Мера к тем и к этим в нем была корневая. Но среди самых близких его - считался Егор Исаев. Вместе работали, вместе помогали молодым. Исаев, общительный, шумный, парящий над нами и над Отечеством, скрашивал молчаливого и делового Семакина.

Сосредоточенность, точность, основательность, начитанность и убежденность Владимира Семакина дополняли Егора Исаева, и оба они являлись для нас опорой, нашей отдушиной в те нелегкие литературные времена. Владимир Семакин мечтал: "Ничего, не падай духом, скоро полегчает, проще, веселее жизнь пойдет !"... Егор Исаев громко читал главы из поэмы "Суд памяти", а Семакин затаенно думал. Мне казалось, что думать - бесконечная работа Владимира Семакина.

Улыбался, смеялся он, думая, печалась. Может, это - трагедия, смерть матери, пережитая им с детства, с младенчества? Годы проплывают. Муки исчезают. Беды забываются. Раны залечиваются. Остается - честность, доброта остается. Доброта человека. Доброта друга. И улыбка остается. Помню, Семакин посветлел, слушая:

Уважаемые соцгерои,

Лбы литературного квартала,

Ваша крепость, вроде сытой Трои,

Под напором диссидентским пала.

Хохотал - веселился. Хохотал, смешно представляя диссидентскую орду, ломящуюся в наши литконторы. Егора же Исаева мы уважали и любили за открытость, радушие и постоянное его шевутение там, в "верхах"... А "верха" - ад.

Мы понимали: наступает лихая пора диссидентства. На ряду с отвергнутыми талантами к нам ринутся бездари, оружие на рынках и на толкучках Запада. Я продолжал:

Диссиденты - высмертки народа,

Но во имя общего горенья

Въехали в чугунные ворота

На лихой тачанке ускоренья.

Спрыгнули - и вам по морде дали,

А потом, бандюги, честь по чести,

Ваши кресла, званья и медали

Поделить договорились вместе.

На Кубани или на Урале

Плавят сталь и трудно землю пашут.

Диссиденты Запад обобрали,

Ну а вы - Россию, мать нашу.

Стало жутко вам, борцы-пророки,

И о нас припомнили вы дружно:

"Помогите,

черти на пороге!"...

Только помогать-то и не нужно.

Я сижу, историю листаю.

Да, бывало на земле такое:

Ворья стая шмонит ворью стаю,

Воры вора́м не дают покоя.

Владимир Семакин озорно радовался. Он ценил в поэзии смелость, соединенную с житейской достоверностью. Ценил удачную "обработку" темы, когда все - на месте, все - имеет смысл, значение.

* * *

Диссидентов "верха" исцеловывают, "верха" сами – диссиденты. Чем сейчас отличается от них Шеварднадзе? Чем отличается от них А.Н. Яковлев? Ничем.

Стерлась грань между талантливым и приспособленцем. Честному поэту ныне труднее,

чем вчера. Идет борьба за звучание имен, а не за достоинство творчества. Иной готов за лишнее упоминание его фамилии, за очередной "значок" продать мать родную.

Не знаю, кто как, а я, например, утомляюсь от бесконечно густого звона медалей и орденов на одних и тех же литературных пиджаках. В дни, когда наша страна пытается отбросить рутину, осветлить человека, уточнить его волю к движению вперед, всем нам полезно вырваться из замедленности, из надоевшей бессовестной корысти. Густые звоны медалей и орденов не каждому "добывают" честь, не на каждой груди выглядят достоверно, не каждое имя осиянивают.

Так хочется прочитать подборку стихов в центральном журнале или газете волгара Николая Благова, мощного поэта, - его знают, любят в глубине России, но нет о нем заботы у критиков, столпов, создающих "авторитеты", лики для преклонений... Эти "групповые богомазы" давно погрязли в унылой родственности, династийности, бесхребетности и услужливой, рецензионной суете. Ближневосточный базар.

Человек, прошагавший через войну, лирик, написавший десятки зорких, непокорных книг о нашей расстрелянной русской доле, Федор Сухов многие годы не слышит о себе ни одной хозяйской, заинтересованной фразы. А посмотрите, какая в нем горячая стонь, какая преданность отчей земле, не разменянная нигде, ни в холоде, ни в голоде, ни в каких иных испытаниях.

Федор Сухов живет в Горьком, а Виктор Коротаев, намного моложе Сухова, живет в Вологде, но судьба поэта схожа, по замалчиванию, по нежеланию прессы говорить о нем, - с Николаем Благовым и Федором Суховым, с их судьбами схожа.

У нас более трех десятков лет - одни и те же имена на банальных устах, распухших от заказной непогрешимости "корифеев-иконописцев", более трех десятков лет! Не слишком ли обветшала картина?

В нашей родной России знаменитое однообразие "русскоязычных" имен - дело привычное и, так сказать, погребальное, но ведь и в некоторых братских республиках царствует подобное препирательское уныние: пять, шесть фамилий и - конец белому свету!.. С нас пример берут.

Да, еще находятся "лидеры" из опостылевшей проржавелой "обоймы", упоенно хрипящие по радио, с телеэкранов, со сцен, со страниц журналов и газет в СССР, и особенно, за рубежом, мол, кроме нас, никого в русской поэзии нет, и вообще, кроме нас, в России - беспоэтье... Слово "беспоэтье" - вроде смущающегося интеллигентного плевок в лицо русским поэтам, в лицо русскому народу, в лицо России.

Александр Пушкин искал и объединял вокруг себя все красивое, одаренное, благородно возвеличивал друзей, давая им полет, а эти, "русскоязычные собратья", облезло обвеянные тощим ветром сомнительного бессмертья, отвергают сам русский народ, поскольку "беспоэтье" есть трагическое выражение бездуховности любого народа, его окончательного безверья в идею, в силы и нравственность собственного государства. Но куда деть таких, как Владимир Семакин?..

Если организаторы, конструкторы дежурной славы, у нас и за ' границей, признают первое общее "беспоэтье", его наличие в стране, то нечистоплотно с их стороны не признавать второе - разложение народов страны. Что же, потому и на место изъяснения и пафоса неудержимо явилась растрепанная пародия? Она заменила нам Пушкина, Блока, Есенина, Маяковского, Твардовского, Луговского, она, только она - царица радио, экрана, журнала, газеты, сцены, трибуны, народного праздника. Неужели там, где молчит пророк, кривляется шут? Неужели эта жалкая цыганистая пародия дороже даже тех, кто густо и нарастающе звенит наградами?

Тяжелая стезя у нас! Как одиноко, как неистово беззащитно прорастал и погибал Сергей Есенин, умирал потрясенный Александр Блок, стрелялся Владимир Маяковский, поднимался, истерзанный, Павел Васильев, сутулился и превозмогал себя Дмитрий Кедрин, как сгас и захлебнулся жирнослоговой демагогией Николай Рубцов! Но ведь они не выбалтывали лягушиного скользкого слова - "беспоэтье", но ведь они искренне преклоняли голову перед товарищем по перу, перед матерью, перед Родиной. Не лизаблюдствовали за границей...

Их выдвигал народ наперекор халтуре и трескотне, наперекор социальной нищете, с одной стороны, и социальному обжорству - с другой. Пока народ жив - живет его вера в труд, вера в песню, эта вера, как продолжение физической присутственности тебя в твоих детях и внуках.

Грешно было бы не вспомнить фронтовиков Сергея Викулова, Виктора Федотова, Алексея Маркова, Дмитрия Ковалева, Виктора Кочеткова, Михаила Львова. Не надо стыдиться смотреть в глаза соседу, - смотри - и ты найдешь в них ту же, твою, тоску о справедливости в себе и в мире, найдешь в них ту же, твою, скорбь о погибшем отце и родниковой речушке, родниковом крае, уничтоженном железом и мазутом. Прочитайте стихи Станислава Куняева - в них бьется та искра, без коей не существует личности, природы. Живет народ. Действует его поэзия. А пресловутое "беспоэтье" - импотенция "гениев"...

От речей дети не родятся. А если речи повторяются без результата, делового и конкретного, наступает пустозвонство. Государство дает телеэкран, радио, сцену, трибуну, газеты, журналы, а на этом фоне - "знакомые лица", "групповые богомазы"... Даже газета ЦК КПСС "Правда", взять ее литературный отдел - несправедливо скучный, зауженный. Даже, уже почти классик, Василий Федоров, не нашел приюта, при жизни, под крышей отдела. Некоторые сотрудники отдела - зазнавшиеся клерки, они сыто пичкают сытого, униженно отвергают униженного...

Я не собираюсь перекладывать вину за наши просчеты на кого-то, виноваты мы сами. Мы давно должны были учесть, что только при полностью раскрепощенном духе рождается настоящее слово, ускоренно летит поезд, плавится металл! Замалчивание истины и судьбы, уход от противоборств и сложностей в обществе - трусливая тень жизни, пародия, царица пошлости и базара, "русскоязычное" кривляние.

На колкость А. Иванова, несколько лет назад, я ответил:

О том, что ты не Иванов,

Прекрасно знали мы заранее:

Средь псевдонимных крикунов

Торчишь, как ворон, на экране.

Привыкший хохмами блистать,

Клюешь ты нас неутомимо,

А чтобы Ивановым стать, -

Не хватит, братец, псевдонима!..

На досуге я прочитал эпиграмму Семакину. Владимир Кузьмич хохотал до слез. А Иванов, мне показалось, надулся: не пускает больше "стрелы" в меня...

* * *

Александр Трифонович Твардовский первый, первый оценил, и напечатал стихи Владимира Семакина в "Новом мире"... А другой выдающийся поэт, Василий Дмитриевич Федоров, позже, писал:

"Дорогой Владимир Кузьмич!

Я бы имел право начать просто с Володи, но ты стремительно движешься к своему

50-летию, а, может быть, пока я отсутствовал, ты уже его достиг. Спасибо тебе за твой "Лен колоколится". Очень радостно, что он и в пятьдесят твоих лет это делает, сознавая, что и при синтетике очень нужен людям". Это - отрывок из небольшого письма. Земное - земному. Синтетика - синтетике... Язык наш оседлала воронья мафия.

Не мог не заметить Владимира Семакина и Евгений Иванович Осетров:

"Милый и дорогой Владимир Кузьмич!

Благодарю Вас за "Лен колоколится". Книга талантлива во всем, начиная с заголовка. Стихи хочется не только читать, но и перечитывать. Много душевности, музыкальности, настоящего искусства. Читая Ваши стихи, думал о том, что Вы - поэт божьей милостью, а ведь это такая редкость в наши дни"...

Бескомпромиссный Дмитрий Ковалев отметил в стихах Владимира Семакина те же благородные черты: "Ты пишешь все лучше и лучше, чисто, просто, душевно, чем ты мне особенно близок, тем более что без расчета понравиться".

Владимир Семакин и Василий Федоров - участники первого Всесоюзного совещания молодых писателей. Они из семинара Николая Асеева. Совещание состоялось в Москве в 1947 году.

Не порывает узы Владимир Семакин с детством - родниковым краем. Много поработал он над переводами на русский язык стихов народного поэта Удмуртии Михаила Петрова, Степана Широбокова и других. Край родниковый - край родниковых душ, родниковых слов. Еще парнишкой Владимир Семакин пытается рассмотреть и разобраться в огромных заботах края, страны.

Помнит, как встречали Чкалова и его отважных соколов, перелетевших через Северный полюс. Помнит, как зазвучала слава индустриальной Магнитки. Помнит замечательную окрыленность молодежи тридцатых годов. Помнит предвоенные тучи у порога Отчизны:

Я в морях не плавал капитаном,

любя Отчизну словно мать,

не пришлось у озера Хасана

мне ее, родную, защищать.

Но овсом кормлю я жеребенка,

чтоб он вырос в доброго коня.

На конюшне ласково спросонку

мордою он тычется в меня.

Трогательно, не правда ли? В этой юношеской пылкости - такая святая возвышенность искренности, распахнутости, преданности и любви! Человек, посягнувший на святыни, обязательно плохо кончит, обязательно. Легенды, памятники, могилы героев - неприкосновенны для зла, для непочтения. На цинизме не взойдет золотой колос храбрости и гуманности.

Стихотворение о жеребенке, будущем боевом коне, написано Владимиром Семакиным в 1938 году. Кстати, у поэта много ранних, но очень зрелых по содержанию и по форме стихов, что доказывает нам его раннюю начитанность и его раннее профессиональное умение. Раннее осознание неотторжимости от родникового края, от людей, от всего того, что вскормило, вспоило, - удачный признак:

...Есть на земле другой реки верховье –

днестровский плес, карпатский перевал.

Их тоже кто-то любит по-сыновьи,

как я люблю и Каму и Урал.

Юношеские стихи Владимира Семакина повиты "чувством" Камы, уральскими луговыми туманами, ночными крепкими грозами, подняты звездными небесами, Чувство Урала - чувство крутоплечей России, развернувшейся железом и огнем в древних просторах, двинувшей пароходы, поезда, пославшей танки и самолеты беречь и защищать нас. Неужели отнимут у нас это чувство?

У Владимира Семакина нет "темных мест", нет и "белых пятен" в творчестве и в биографии: все - на глазах, все открыто, честно, достойно. Вот не получилось у подростка удачи с армией, не взяла она его к себе, не признала за собою такого права - права не замечать нездоровье, и поэт, посланный в тяжелые дни войны на завод ковать победу, скажет о том, вздыхая, сожалея:

Мой товарищ в солдатской каске,

оказались мы вдруг поврозь.

Где тебе, на каком участке

фронта,

на смерть стоять пришлось?

Поэт вспоминает детство, забавные игры, вспоминает друга, теперь воюющего далеко. Говорит ему, далекому, что и он бы ушел туда, где грохочет война, но далее цеха ему не суждено уйти. А цех - труд. Цех - черный хлеб нехваток. Цех - беспощадное желание и национальная неодолимая вера сломать озверелое самодовольство фашистов, бесов земли:

А ведь наше с тобою детство,

не страшась никаких чертей,

забывало про их соседство

среди ребячьих своих затей.

Без промашки с любой мишенью

расправлялся твой меткий глаз.

А меня подводило зренье, -

подвело и на этот раз...

Заводская тыловая атмосфера - не рай, а выдержка и доблесть:

Пайка хлеба.

Щепоть махорки.

Чушка будущего ствола.

Пишу и думаю: кого из этого поколения поэтов ни возьми, - холод, голод, война, ожидание победы, кого ни возьми! Как же нам надо хранить веру в негибимость нации, в бессмертье Родины, в благородную судьбу?! Надо. Мы не должны утрачивать испытанные качества коллективизма, будущности, державности, личной и общей почетной предначертанности, утрата их - тупик.

* * *

Огромный народ. Огромная страна. Огромные заботы. И неприятно иногда слышать по радио, читать на страницах журналов и газет, видеть на экране, на сцене, на трибуне одно и то же лицо, одно и то же имя, одно и то же позерство, одно и то же... Кто разрушает представление о нас, тот, кому нас понять некогда или нет охоты? Почему кто-то устраивает, один, то, чего не хотят или что отвергают многие? Наш народ издавна богат - песенниками, художниками. Не замечать многих, да, многих, талантливых, одаренных народным духом, народным словом, - вредное занятие.

Настоящий поэт не должен быть оттеснен от читательской аудитории, забыт там, где забывать его нельзя. В буквари и в учебники для школ надо включать лучшие произведения, национально, интернационально полезные, лишенные и дозы цинизма, даже намек на этот надоевший размытый "шлягер", на эту оскоминающую "элитарную" себяподачу, на это спекулятивное "общечеловеческое" нажатие, за которым - ничтожество и торгашество, а не личная боль, не людская бессонница.

Я вовсе не за то, чтобы в каждом слове - салют, родина, край отчий, работа, идея. Нет, я за то, чтобы слово не имело двуличия, сального или долларового живота, бездарного потного кривошопия и безнравственной лощености. Слово обязано опираться на свою родословную, на историческую, художественную и гражданскую память. Ветхого слова нет, есть нежелание им пользоваться, есть безвкусица поэта. Есть нигилизм критика, бородастая непроницаемость псевдоновизны, псевдомоды: "Я ничего не признаю из того, что народно, патриотично, истинно!"...

Такая "позиция" - трафаретный трюк литобывателя. Время не портит возникающие порывы проникновения в красоту:

Все тоньше и прозрачные сосульки,

готовые пожертвовать собою.

Настойчивыми каплями с карниза

в снегу пробита лунка до земли.

Сугробы, ноздреватые, как соты,

наполнены лучами, словно медом,

и у снежинок, слипшихся в комок,

медовый запах. Да, медовый запах!

Необычайно сильная и пронизательная вживчивость страстей Владимира Семакина в природу, в ее разносостояние придает его поэзии блеск и колорит, усложняет и обогащает рисунок предмета, образа, увеличивает воздействие на человека музыкой ритма, интонацией и огнем стиха.

Владимир Семакин народен, традиционен. Он идет от Некрасова, Блока, Есенина, осваивая достижения Прокофьева, Твардовского, Ручьева, не изменяя на пути к Парнасу ни тому родниковому истоку, от которого вышел, ни тому отчему окошку, что светит ему в долгом и одиноком стремлении. Детство. Изба. Голос матери, так рано и так трагически погибшей, красивой, молодой:

Не дознался я - дело прошлое, -

сколько было каких причин...

"Мама, встань! Улыбнись, хорошая!"

как сейчас лепечу, твой сын.

Грустные строки. Горькое детство перемежается здесь с горькой взрослой опытностью. Мальчик и седой человек - сынишка и сын. Два времени. Два человека - посреди одной далекой беды, не забытой, не потерянной за радостями и за печалью лет. Еще раз, возвращаясь к мысли, что именно надо беречь в себе человеку, хочу сказать заново: искусство совершенствует человека лишь тогда, когда оно не нарушает тех заповедей-заветов и тех солнечных пределов, где очищается его совесть, мудреет душа.

Бойко выступая в журналах и газетах на "литературную злобу дня", Наталья Иванова обвиняет Владимира Семакина в неразборчивости подхода к слову, архаичности, допотопности, заскорузлости и некулемости. Почему? А только потому, что сама она беспробудно глуха к чуткому русскому народному языку, к русскому народному ладу. Наталья Иванова - партаппаратный инспектор, своеобразный цензор, моралист. В стихах Владимира Семакина она не заметила "глобальной коммунистической энергии и устремленности, не увидела борьбы ни гражданской, ни классовой"... Но, ради справедливости, надо признать: Наталья Иванова не обнаружила в Семакине и антисоветчика. Спасибо ей!

А в моих, например, стихах и поэмах Наталье Ивановой почти похмельно мерещатся "несоциалистические" выверты. Она ежегодно, иногда в одни и те же числа недели и месяца напоминает в газетах и журналах обо мне, ненадежном, неидейном, несоцреалистическом. Напоминает грубо, с окриком, с маханием богатырскими ручищами в мою сторону.

Я твердо намереваюсь собрать все ее "обвинения", все ее "политические" подтексты в мой адрес и напечатать в одной статье: пусть люди зауважают ее неурочную бдительность, ее вокзальную сторожевую хмурость, внедренную в нее упорной верностью к нам, к нашей Отчизне, к нашей советской исключительной порядочности. Наталья Иванова - боевой охранник Родины!

А другая Иванова, Татьяна Иванова, еще суровее. Она беспощадно роется в рифмах, в "запчастях и в запахах" стиха. Роется громко, унырливо, основательно. Беда ее - не слышит музыкальных звуков. И не понимает их. Но ведет она себя, хоть не слышит и не

понимает, отлично: не падает духом, не теряет натискового самопожертвования. Билась, билась и доказала - нет "внутренней рифмы", нет определенности звуковой в окончаниях строфы:

Моль, микробы засады,

Недоумки, пираты,

Полосаты, усаты,

Кривокубы, горбаты.

Им, Наталье и Татьяне, надеюсь, Ивановым, медведь на ухо не только наступил, но и похлопал по уху, оглушил их души и неиспорченные чувства. И тонкие любовные стихи Владимира Семакина им совсем не усечь, им они даже противны:

Только лугу да ветру известно,

как тропинка пропала в траве,

Как сползла и намокла косынка

там, где ветер упал в купыри...

И всего на рассвете, осинка,

сколько хочешь о нас говори.

Нежность души, нежность чувства не родится сама по себе. Она прорастает в честном и отзывчивом сердце. Она прорастает, лелеемая трепетностью и удивлением. Грубость, окрики, махание богатырскими ручищами - удел ортодоксальности, хамовитого кухонного карьеризма. Или служение бесовщине?

Для меня очерк о друге - долгая работа. Иногда такая работа затягивается на года. Заканчиваешь ее, а друг уходит из жизни - и начинает в твое сердце вкрадываться обида: почему не успел показать ему, прочитать ему, подарить ему?!

Вот и Владимир Семакин - ушел. Застенчивый, умный, добрый, честный, как его родниковый край. Умер в Москве, а лежит в Удмуртии, где по каменистым кручам пробегают сосны, а по глубоким долинам шумят березы.

Проще бы надо встречать нам каждый новый день: жать руку близкому человеку, чаевничать за столом, обмениваться приятными новостями, не торопиться покидать компанию. Но мы, поэты, взяты трагичными дорогами призвания, и нет на них ни покоя, ни защиты. А в России поэт - священнослужитель, поднимающийся с перевала на перевал, шагающий от храма к храму.

Но поэтические русские храмы, как и те храмы, колокольные, сильно надорваны чертями, заезжими и наглыми. Купола разбиты. Кресты снесены. Ворота испакощены оккупационным жаргоном. Владимир Семакин понимал беду, мучился ею. Пусть он отдохнет среди сосен и берез. Пусть успокоится. Вечный, его покой пригодится молодому восторженному юноше - возмужать в слове, укрепнуть в убеждениях:

Ливень вымоет леса.

На поляне полудикой

Прорастут твои глаза

Одинокой медуницей.

Спи, друг. Отдохни, брат. Вокруг тебя - древний, нежный народ родникового края. И сам ты - родниковый, нежный, страдающий... Страдание поэта - пророчество поэта...

* * *

Где, находясь, поэт не страдает? В Тунисе, в храме Александра Невского, православном храме, нас, гостей из России, встретила дворянка Анастбсия Фёдоровна. Её увезли родители, убегая от расстрелов из Крыма, куда ворвались красные... Дитя морского офицера, она выросла в Тунисе, застряла там, мать и отца похоронила там...

Чем она виновата перед Россией? Чем отец ее, белый офицер, виноват? Русские - красивый народ: женщин расхватили арабы, французы, англичане, мужчины тоже, русские, тоже не задержались: так быстро исчезла русская колония. А она, Анастасия, она протосковала о Родине, заневестилась, оглянулась - опоздала, женихи в чужом тумане пропали. И пригорюнилась русококая Василиса Прекрасная, свет-Анастасия, возле могил, брошенных и песками пустыни засыпанных!.. Жена - не жена и вдова - не вдова.

Русские кости по всему земному шару лежат!..

*Дочь царского офицера **

1

Где море с пустыней сливается глухо,

Приходит на берег девчонка-старуха.

Ну, может, ей десять, ну, может, двенадцать,

Она не умеет ни петь, ни смеяться...

Угасшие годы...

А в памяти страшный

На палубе вздыбился бой рукопашный.

И красные белых, и белые красных

Толкали, топили в бурунах безгласных.

И малая дочка врага-капитана

Заныла в Тунисе, как первая рана.

Глаза голубые завяли, поблёкли,

Прощания день безнадежный далек ли?

Снесут и меж русских могилоч опустят,

Куда проникает покой захолюсья,

Никем не замечен, никем не услышан,

Последний и вечный, как шорохи мыши...

2

Поднимется ветер, закружатся тучи,

По миру покатятся волны могуче.

И гром за сверкающей молнией ахнет,

И так на мгновенье Россией запахнет:

Черемухой, Волгою и васильками...

Ребенок-девчонка, ты где?

За веками.

Отец одряхлел, ухайдакался, честный,

И мать ее рядом - в пустыне железной.

Девчонка-сиротка, барханы песками

Сдавили ей горло сильней, чем тисками.

Седая костлявая тень приведенья

Идет из селенья в другое селенье.

Идет, бормоча, на костыль оседая,

Девчонка-старуха, седая, седая.

- Куда ты? - ей чудится голос, - куда ты?

- В Россию, там драться устали солдаты!

Устали солдаты, от крови устали,

Клинки затупились из крупповской стали.

Беда нахлебалась, как в погребах винных,

Винных судили, а больше - безвинных.

И чтобы не плакали русские взоры, -

Пощад не молили - взорвали соборы.

И скоро по весям в дожди и в метели

Прадедовы горницы попустели.

Хоть было в России народу велико,

Теперь поредел он, от крика до крика

Уткнулись печально славянские версты

В горбатые избы, в немые погосты.

Герой-инвалиды да нероботы-франты, -

К тому ж за границую лгут эмигранты:

"Зато средь столицы не просто, для фарсу -

Свердлову, Дзержинскому

памятник, Марксу!"

Свобода их дела, свобода их слова

Заводам и пашням, и тюрьмам основа.

Не строить же памятник русскому в русской

Рязаньщине или мордве златоустской?

Мол, русских недаром то верхом, то низом

Проперли Китаем и прочим Тунисом!

Мол, предревсовета, казачий и флотский,

Свинцовым похмельем расщедрился...

Троцкий.

4

Клянущу я войну и клянущу я разруху.

О, город Бизерт, сбереги ты старуху.

К вождям я прощаю ее недоверье,

Надолго досталась ей бездна имперья.

И сами к вождям укоротим вопросы,

Хозяева жизни и молокососы.

Мы сами с усами, из голых и босых,

Споткнулись в расстрелах, завязли в доносах.

И сами на главной сибирской дороге

Себе понатыкали виллы-остроги.

И всклень настрадались, и всклень насладились,

Едва не повымерши,

вдруг спохватились...

Старуха, старуха, старуха, старуха

По Африке ползает, вроде как муха.

Сестренка, невеста, вдова безымянных

Детей нерадивых, солдат оловянных?

Довольно секрета, довольно запрета,

Спрошу я поэта: "А кто же вот это?"

Спрошу я вождей: "Почему же старуха

По Африке ползает, вроде как муха?"

5

А вы - на граните, орлиная стая...

Девчонка-старуха, седая, седая.

А вы при пампушках, пророки эпохи,

При звездах и славе, почти полубоги.

Конструкторы дерзких глобальных теорий,

Помятых орбит и кривых траекторий.

Трибунные речи, застольные тосты,

Россия,

крестами шевелят погосты

Варшавы, Парижа и Лос-Анджелоса,

Нет, я не осилю большого вопроса.

Приходит на берег девчонка-старуха,

Где море с пустыней сливается глухо.

И в лодку садится, в ночи осенится,

А веслами машет...

Аль крыльями птица?

Девчонка-старуха, седая, седая,

Плывет по тропе, на костыль оседая.

Ай, ай, ай, храм-то Александра Невского палестинцы нам сберегли, православные, воюющие, как мы когда-то с хищными нарушителями покоев, религий и укладов народных... А воздвигли храм русские, гонимые русскими из отчих пределов, из гнёзд родимых...

А ведь Анастасия-то рожать, мужа беречь, семью увещевать богом была послана на землю, мать русская не состоялась: не дали ей права состояться, заневестилась, а женихи растаяли в дымке моря, чужой и неотзывчивой. Анастасия хоронила и хоронила. Старели, болели, плакали по России, умирая, а возврата к милому порогу нет, и России больше нигде такой нет. Настя - одна. И Россия - одна.

Ну, как не застрелиться молодой учительнице, маме поэта русского и талантливом, Владимира Семакина? А вдруг - то Анастасия была, вдруг - в Удмуртии она выстрелила себе в висок, а в Тунисе очнулась: выстрелила - молодой, молодой, а очнулась - ковыляющая старуха.

- Кто ты? - спрашивает у неё ветер...

- Я Настя, невеста русская, ничья, жена ничья и вдова ничья!..

- А куда девался женских твой, муж твой, дети твои?..

- А зацеловала его белая вьюга русская!..

* * *

Почему застрелилась молодая мать, учительница, жена энергичного принципиального коммуниста-большевика, мать поэта Владимира Семакина? Маленький Володя Семакин, конечно, ничего, кроме беды и горя, понять не смог, а зрелый Владимир Семакин - тем более ничего не постиг из трагического семейного случая: Сергей Лазо - друг отца Володи, а товарищ Ленин - друг трудящихся и угнетенных.

Гражданская война - правильная война, ну, кто, кто, покажите, среди нас иначе воспринимал её? Года и года, десятилетия и десятилетия проскрипят, прогремят, простонут, проплачут тюрьмы и лагеря, войны и войны прокатятся по стране, тайны и тайны явью обнажатся перед нами и страхом нас овеют, прежде чем догадаемся и ощутим, и разберемся мы, чуть и чуть, в смутах и ураганах.

Помню, мы выпили и ещё выпили с Владимиром Семакиным, а Москва в начале шестидесятых годов, как в марте грязью, была наполнена слухами, новостями, фактами,

предположениями и печатными исповедями на тему культа личности Сталина, насилий Берия, на тему инквизиторских преступлений Кремля в русском несчастном народе и народах СССР. И нет семьи, нет человека в России, в Союзе Советских Социалистических Республик, нет такой семьи и такого человека, чтобы отмахнулся, чтобы не внял, чтобы не укололся думами внутренними о жуткие сообщения, взбудоражившие великую державу, созданную по гениальному чертежу Владимира Ильича Ленина...

И заехали мы, на такси, в Москве, к каким-то древним настоящим коммунистам, недавним зэкам, реабилитированным Никитой Хрущевым. Квартирка на двоих, супруг и супруга, тесная, но идейная, и уютная. Светлая, залитая электричеством. В шкафу - собрания сочинений Маркса и Энгельса, Ленина и Станина. Издания брошюр и томов с решениями съездов и постановлений ЦК КПСС, пленумов ЦК КПСС, указаний по мелиорациям, кукурузам, инвалидностям судебным, и далее, и по бессчетным житейским вопросам, кои без КПСС и ЦК КПСС, а уж без Политбюро подавно не сдвинуть с места, - шкаф и загружен гениальными мыслями соратников Ильича, продолжателей его безгрешного курса.

Старичок, интеллигент, зэк вчерашний, нас аккуратно осведомил, озираясь и крутясь за столом: - Ильич, единственной, кто Сталину не доверял, единственный!.. Ильич не успел Сталина вымахнуть из Политбюро!.. Ильич, скрывают его завещание, не советовал ВКП/б/ избирать генсеком Сталина, вносил на рассмотрение кандидатуру Бухарина, истового ленинца, истового, даже Троцкого вносил!..

Мы поднимали рюмки, стеклянные, пусть не в Гусе Хрустальном смастаченные, а, я не сомневаюсь, у нас в Челябинске, возле пропускной будки, в бытовом цехе зэками, неопасными, выдутые из пластикового волокна, из отходов, пригодных на утепления бань и уборных: зимы-то на Урале нешутейные. А может, и сам хозяин квартирки, вчерашний зэк, выдул рюмочки эти из пластиковых отходов и привез, амнистируясь, в дорогую и великую столицу, Москву, сердце революционной супердержавы мира?

Жена хозяина квартирки, старичка, имена и отчества их я запомнил, старушка, романтично переповествовала чей-то рассказик о Румянцевой, живой, тоже старушке, по сию пору, ту пору, работавшей у главного редактора журнала "Октябрь", Всеволода Кочетова, секретарём - якобы последней лирической привязанности вождя Революции: Ильич обожал её, юную и беленькую, пушистую куничку экую, занятно балуясь, утомлённый двадцати четырёх часовыми заботами в сутки о человечестве, бесправном и усердном, теснимом ленивыми капиталистами...

Ленин - вождь, атаман Разин, Ленин - непоколебимый Пугачёв, Ленин - Христос и Суворов, Ленин - Толстой и Пушкин, еще ближе и родней прирос к моей груди: оказывается, и влюбиться мог, бедный Ильич, вынужден скрываться и терпеть, человецище, ребенок, пророк, бессмертный гений русского народа-богатыря и строителя. И фамилия матери Ильича, девичья Бланк, звучала в те годы для меня наравне с фамилиями Ивановне или Сидоровых. О каких псевдонимах, о каких поддельных паспортах и поддельных родословных я мог озадачиться в те годы и о каких нашествиях инородцев на мой народ русский?

Отец Володи - большевик. Мать Володи - большевичка. Покончила с жизнью, но осталась верна эпохе. И Сергей Лазо - лелеемый мною герой гражданской войны, молодой, храбрый партизан и командир, большевик.

А старушка, хозяйка электрической квартирки, после зэчного библиотечного уюта, реабилитированная, как ее хозяин, Никитой Хрущевым, вела нас: - Был бы Ильич жив, СССР бы, Никита Сергеевич же указал, СССР бы, при Ильиче, туалеты высокопробным золотом окаймлял бы, стульчаки и ванны, раковины и умывальники, урыльники разные!..

А потом они, захмелев и прослезясь, рисовали нам Колыму, бараки, зоны, колючую проволоку, охранников и собак, сторожащих безвинных русских людей, загнанных в ледяные шахты безголосо погибать за лозунги Владимира Ильича Ленина, апостола всех мятежей и всех революций на земном шаре, вождя всех восставших борцов за святую правду трудящегося пролетариата против богачей, против эксплуататоров, пожирающих в реках - нашу рыбу, в полях - нашу пшеницу, а в сараях - наших кур, на грядках - наши огуречики, а в южных солнечных пространствах - наши лимоны и бананы, кокосовое молоко и чавычу, отбирая у наших же чернокожих, цветных братьев по классу!

Зэки... И мы – зэки... До сих пор мы - зэки... Разве у нас, а не у зэков расстреляли на глазах Дом Советов? Разве у нас, граждан свободных, а не у зэков конфисковали сберкнижки, нищие и сиротские сберкопейки? Разве у нас, а не у зэков распродали, раздарили жуликам, предателям, бандитам заводы и фабрики? Разве от нас, русских патриотов, а не от зэков отрезают республики и края? Мы - на коленях, а провокаторы и убийцы - в Кремле!

Владимир Семакин, внешне тихий, но в глубине - лесные удмуртские грозы в нем двигались и двигались, швыряя молнии, бросая бензинные факелы возмущения во мглу, в тревогу шестидесятих лет, охватившую нас, пионеров и школьников, комсомольцев и молодежь Ильича: - Валя, Валя, прочитай им про Кирова, про Сергея Мироныча Кирова прочитай им, замечательным большевикам, скорее прочитай!..

И я в электричеством залитой квартирке ээков, седых старичка и старушечки, реабилитированные честнейшим Правительством СССР и честнейшим Политбюро ЦК КПСС, загоношился:

Та печаль не забыта,

Что вползла к нам с войной,

Видал я инвалида

У гудящей пивной.

Он о Сталине песню,

Запрещённую, пел:

"Мне ведь Киров ровесник, -

Задыхаясь, хрипел, -

Я из пламени вынут

Под Москвой,

под Орлом,

Братцы, я до Берлина

Штык вострил напролом.

Рядовой, незаметный

Сын свободной земли,

Братцы, вы бы монетой

Мне чуток помогли!"...

Звонко сыпалась мелочь

В исхудалую горсть,

Сколь в карманах имелось-

Всё ему, словно злость:

Пусть он раны остудит

Крепкой чаркой вина,

Только сволочь осудит

Инвалида сполна.

Мы, светлейшие души

Новой жизни творцы,

Мы не так ещё глушим,

Ловко пряча концы.

А ему не хватает

Этих жалких рублей,

И вино он глотает

Обреченней и злей.

Нам, картинно кующим

На земле торжество,

Нам, вареники жрущим,

Стыдно видеть его.

Ты, министр или маршал

Ты, профессор, шахтер,

Вспомни воинов павших

И нацистский террор.

Надоевший калека

Был когда-то удал,

Он сберег человека,

Он тебя не отдал.

От нужды и обиды

Ты его огради.

Поклонись инвалиду,

Поклонись инвалиду,

А потом -

проходи!..

Стихи, сочиненные мною в 1959 или ранее, в 1962 году в Москве еще звучали запретно и отважно. Посему - за меня Володя Семакин поднял тост, стеклянно-волокнистую рюмку, а хозяева, вчерашние политэки, под скатертью шепотом поаплодировали, потрясенно и сразу отрезвев, расцеловались, прощаясь и провожая нас энергично и коротко...

Милые Ильичевцы за ленинскую святую веру Колыму до дна продолбившие киркою, где вы теперь похоронены и есть ли кому ныне убрать вашу затерявшуюся могилку? Не в Мавзолее же зэкам лежать? Рабов с фараонами в гробницу не кладут рядом, а - поодаль, поодаль: на Колыме или на Сахалине, на Соловках или на Певеке...

* * *

Давно, давно нет Владимира Семакина с нами, и лишь стихи его редко, редко толкнутся в меня: когда читать-то, когда заниматься искусством? СССР проторгован и уничтожен, а Россия оценена и определена рыночниками, продолжающими полонить её и уничтожать. Мы пропадаем в межнациональных драках и межчиновничьих склоках, мы - жертвы спекулянтов и грабителей.

Владимир Семакин до конца своих дней не рискнул вторгнуться в подвалы, пахнувшие кровью безвинно расстрелянных, как бы робея прикоснуться к стенам, каменным и мрачным, набухшим безымянными русскими смертями. К лирике, к природе, к любви и благородству тянулась его судьба, обереженная в среде от громких противоборств и на сцене:

Ты так прошла - пичуги не вспугнула,

птенца не потревожила - прошла,

примятый кем-то ландыш разогнула -

пускай сюда пожалует пчела.

Ты так прошла - с тропы не соступила,

прошла

почти на цыпочках

по ней,

босой ноги в росе не утопила,

чтоб не гасить причудливых огней,

Ты так прошла опушкой чернолесья,

как будто впрямь

шаги твои могли

нечаянно нарушить равновесье

и реки и луга,

неба и земли.

Нежная осторожность, вдохновенная влюблённость в красоту и верность, в радость и ликование - в счастье двух, кому повезло взлететь над бытом страдания и тоскою страха.

Образ Революции - тачанка гривастая. Красные кони, куда же, куда же вы проскакали? Зачем, зачем канули вы далеко за скалами Севера, за пургою Колымы, за песками Каракумов? И только - заревом полыхающее знамя, взлетит на закате в углу Вселенной, взволнует мир, нищий и Богом покинутый, и, свянув, растворится на ветрах, чужих и бестолковых. Кто и кому даст равенство? Кто и кому подарит братство? На земле рая не вымолили и у Христа, а сами рай возвести не сумели: люди - всегда рот разевают на чужой каравай. Вот и у меня Ленин - тот, сказовый, легендовый, багряный, как Степан Разин, беспощадный, как Емельян Пугачёв, летящий на тачанке, как Василий Чапаев, и - в зарево, в зарево, в огонь, в пожар, в красную бездну Революции, где люди, плача, братаются и, улыбаясь, на смерть идут за равенство.

Кто же скрывал много Ленина за гремучими крыльями тачанок, за огненными гривами коней? Кто же скрывал и гробоносную Колыму за равенством и братством колониальных призывов? И сегодня кто-то же угощает нас биографическими тошнотами, выныривая из мглы бесправья и уродства, из мглы торгашества и лицедейства, выныривая и прячась за бронзовыми статуями кумиров, сброшенных с гранитных пьедесталов?

А газета "Русский порядок", №7 - 9 /38 - 40/ за 1996 год, назидает, за уши тормоза нас:

"В учебниках по истории СССР утверждается, что первыми декретами большевиков были декреты о мире и о земле. В действительности, первым указом большевиков после захвата власти был указ об отмене уголовного наказания за педерастию.

Почему же большевиков, во главе с Лениным, так беспокоила эта проблема, что они

посвятили ей самый первый указ после захвата власти?

Предлагаем вашему вниманию статью кандидата исторических наук И. В. Соколова, опубликованную в газете "Русский взгляд", №3 за 1996 год.

Цитирую И. В. Соколова: "В особенности много времени я провел над архивами тех коммунистических деятелей, которые позже, уже после смерти Ленина, были подвергнуты репрессиям.

Мне довелось перевернуть частные бумаги многих из них и опубликовать ранее неизвестные.

И только на одном материале произошла заминка. Его отказались не только публиковать, но даже и обсуждать. Так с тех пор мне и не удалось предать гласности открытые мною исторические факты. Вероятно, потому, что они так ошеломляющи и неожиданны."

Письмо Ленина к Григорию Зиновьеву /1 июля 1917 г./

"Григорий! Обстоятельства сложились так, что мне необходимо немедленно скрыться из Петрограда. Далеко уехать не могу, дела не позволяют. Товарищи предлагают одно место, про которое говорят, что оно вполне безопасное. Но так скучно быть одному, особенно в такое время... Присоединяйся ко мне, и мы проведем вдвоем чудные денёчки вдали от всего... Если можешь уединиться со мной, телефонируй быстрее - я дам указание, чтобы там всё приготовили для двух человек..."

И. В. Соколов поясняет: "Ленин собирался покинуть Петроград и поселиться с Зиновьевым в Разливе в ставшем потом знаменитым шалаше. Именно там взаимоотношения Ленина с Зиновьевым получили своё развитие. Они провели там наедине много времени, и, очевидно это окончательно вскружило голову Зиновьеву. Потому, что в сентябре он пишет из Петрограда Ленину в Финляндию.

"Дорогой Вова! Ты не поверишь, как скучаю тут без тебя, как мне не хватает тебя и наших с тобой ласк... Ты не поверишь, я не прикасался ни к кому с тех пор, как ты уехал. Ты можешь быть совершенно уверен в моем чувстве к тебе и в верности. Поверь, ни к мужчине, ни тем более к женщине не прикасался и не прикоснусь. Только ты, мой близкий человек... Приезжай, не бойся, я всё устрою наилучшим образом".

Вероятно, Ленин не откликнулся на это письмо, и тогда Зиновьев, спустя неделю, пишет следующее, вдогонку за первым:

"Милый Вова! Ты не отвечаешь мне, наверное, забыл своего Гершеле. А я приготовил для нас с тобой замечательный уголок. Мы сможем быть там в любое время, когда только захотим. Это - прекрасная квартирка, где нам будет хорошо, и никто не помешает нашей любви.

Будет так же хорошо, как и прежде. Я вспоминаю, какое счастье для меня было встретиться с тобой. Помнишь, еще в Женеве, когда нам приходилось скрываться от этой женщины... Никто не поймет нас, наше чувство, нашу взаимную привязанность... Приезжай скорее, я жду тебя, мой цветок. Твой Гершель".

Я намеренно "фасую" тексты И. В. Соколова: убираю, выгребаю изъятием, но не правлю, не соринки не привношу, а очищаю их, тексты, от уж невыносимо пикантных достопримечательностей: от ревности Надежды Константиновны Крупской, от ревности Зиновьева - Ильич лег в постель к Троцкому, и прочее, и прочее...

И. В. Соколов документально утверждает: "В конце тридцатых годов после ареста и казни Зиновьева, эти архивные материалы попали в руки НКВД и, несомненно, были доложены Сталину. Почему он не распорядился их уничтожить?"

Вероятно, по двум причинам. Во-первых, для него все это, несомненно, не было тайной. И он и прежде прекрасно был осведомлен об отношениях Ленина с Зиновьевым и Троцким. Не случайно поэтому подчеркнуто пренебрежительное отношение Сталина к Крупской. Что ему было уважать, если он знал о том, что она - всего лишь ширма для

утех своего мужа?

Второй же причиной, вероятно, была та, что Сталин решил придержать эти письма на тот случай, если бы пришла пора посмертно скомпрометировать Ленина. Если бы на каком-то этапе Сталин вдруг решил отказаться от "ленинского наследия" и остаться единственным незапятнанным борцом революции, ему бы как раз весьма "пригодились" эти письма

Мне тяжело!.. Неужели - правда? Неужели И. В. Соколов держал, шуршал в архиве подлинными письмами любовников: его - Григория Зиновьева и её - Владимира Ульянова, вождя пролетариата и всего прогрессивного человечества - Ленина?.. А второй вождь пролетариата и всего прогрессивного человечества - Сталин разбил, растрепал и растоптал "голубую ложу"? Второй вождь не стал ждать "вторую причину", а расшатал и обезвредил "хазарский каганат", мужеложство, кровосмешение и садизм, политический да и физический: торчать "на витрине" в прозрачных саркофагах, нависать "тёплой" тенью над странами и народами, но второй вождь - зело наказан... Выброшен из пирамиды к стене.

Разве у одного Семакина отец и мать поверили в Революцию и служил ей именем своим, именем дедов и прадедов своих, именем борьбы за равенство и братство? Кто же летел по русским просторам на красной крылатой тачанке? Кто же бежал от красных конников за границу? И как же нам не кручиниться ныне: кто же они - красные, кто же они - белые? Между репрессиями и расстрелами - царь провалился, вожди провалились, и русский народ провалился. Истреблён.

Тело Ленина из Мавзолея никак не перехоронят, а кости царя никак не соберут и земле предать не спешат: хазарский каганат, ритуальное издевательство над обычаями и укоренёнными заповедями народов, теснимых и опустошаемых полоном цинизма... Ни гениев, ни палачей защитить или помиловать некому.

Но я, я, поэт Валентин Сорокин, седой и жизнью израненный, как терпеливый ратник, возвращающийся с Поля Куликова, еще наивнее и милее Володи Семакина выгляжу:

Тут Ленин отдыхает,

Ленин!

Кепку

Я с головы

Почтительно - снимаю.

Да, он любил нас

Бережно и крепко –

Действительно

Сейчас я понимаю!

А зачем вождю Революции, Ленину, зачем Троцкому и Зиновьеву строки лирика - Владимира Семакина?..

* * *

Молодая учительница. Удмуртия - глухой лесистый край. Революция. Комиссары. Крестьяне. Враги. Кулаки. Саботажники. И всё - в родном нищем народе, веками отстаивавшем от нашествий и захвата Россию, добрую и огромную, равнодушную и заботливую, грозную и прощающую, Россию, где человеческая жизнь теперь - не дороже маленькой винтовочной пули, не дороже свинцовой капли подвального пистолета...

Помутилось ли юное сердце матери поэта от состраданий и ужасов того черного ветра, сгибающего русые молодые головы? Разум ли ее, горячий и пронизательный, перечеркнул собственную судьбу? Но сын её, сын романтической учительницы, жены коммунара, их сын - Владимир Семакин, поэт русский, так и задержался у одинокой могилки матери:

Ни морщинки ещё

на лбу,

но уже - ни живинки в теле

Ты покачивалась в гробу,

словно девочка в колыбели.

Помню холмики и кресты,

Фотокарточку чью-то в нише.

А кладбищенские цветы

были ростом с меня

и выше.

Чей-то вздох:

"Больно сын-то мал..."

И никто не унял мальчонку.

Я по кладбищу побежал

за лимонницею вдогонку.

По-ребячески лопух,

замер там,

где зияла яма...

Я тебя с той минуты вслух

окликать разучился,

мама.

А легко ли пришлось мальцу,

как он выжил -

не на авось ли?

Я остался лицом к лицу

перед всем, что изведаль после.

Да, отвадили нас, отвадили окликать мать, окликать Родину, а когда мы, не добиваясь разрешения, окликали ее, нам подавала голос не мама, не Россия, а подавали бас цековские мародёры, повелители, над нами закрепленные каганатной системой подчинения - членством в партии, уставом партии, билетом партии, тебе выданном, гою, занесенному в бесчисленные списки укрощения, хранящиеся в титановых тайниках, в замурованных сейфах...

Мне возразят: были в ЦК КПСС и честные люди, порядочные и желающие добра тебе, явившемуся к ним за советом и за опорой!.. Были. И сейчас они есть - даже среди демократов, разворовавших Россию, разделивших и распродавших СССР, есть - среди жуликов и барыг, среди грабителей и убийц, есть. И там были. Там были, в ленинской антирусской мафии. Потому - к суду народному обязаны мы подвести их, политбюровских кабанов, хрюкающих нам сегодня с экранов и трибун, с газет и площадей, их, изменников, их, лидеров, чьи дети и внуки преуспевают в коммерциях у нас и за рубежами страны!..

С первого шага надо нам начинать жизнь. С первого слова нам надо начинать правду. Ведь - два Маркса и два Энгельса: одни - на портретах и в теории, другие - на практике... Два Ленина и два Сталина: одни - на портретах и в легендах, корифеи, другие - в яви. И соратники их - двойные личности: одни - в Кремле, другие - на даче...

Потому и горбачёвы, ельцины, гайдары, бурбулисы, чубайсы, черномырдины, явлинские, жириновские, шахраи, шумейки, рыжковы, старовойтовы, собчаки, памфиловы, боровые, березовские, хакамады, паины, растроповичи, коротичи, окуджавы, вознесенские, адамовичи, межировы, эти целлофановые жуки, роющиеся в навозах стран Европы и Азии, но скрипучими клешнями вытаскивающие из крови и слез людских, русских, запекшиеся крупичицы, а повезет - самородки золота, пригоршни алмазов, жуки эти никогда не пропадут, никогда:

На сыновья мою беду

ты уснула, да так уснула,

что просыпа уже не жду,

хоть земля извелась от гула...

И у меня - два Ленина: один - в стихах моих, другой - в документах, вскрытых демократическими жуками. Вскрывая Ленина, тайникового, сейфowego, они, жуки, и себя вскрыли: и нет им веры, нет им прощения, варварам, ринувшимся крушить русскую совесть и русскую статью!..

Лениным помыкали ближневосточные хазары. И Хрущёвым помыкали ближневосточные хазары. Брежневым помыкали. Горбачёвым помыкали. А на развалинах СССР, ухватившись за Спасскую башню Кремля, Ельцин плотно оградил себя ближневосточной нерусью, люто ненавидящей русский народ. Да проклянёт его Россия, истерзанная мать наша!

Иль застроили тот погост?

Или русло спрямила Кама?

У кого разузнать?

У звёзд?

У людей уже поздно, мама.

Россия уменьшается границами и населением, а расширяется, внутри, погостами. Подталкивают её к яме вечности погибельной. А советские рубли и перестроечные тысячи в банках США, Израиля, ЮАР в "слитки" утрамбовали воры в законе, мерзавцы и

насильники, марксистовававшие хазары: не по ним ли оскоменно тоскуют давно не отремонтированные интернациональные виселицы на всех знаменитых площадях всех столиц мира, не по ним ли?

Но русского поэта, русского человека не оторвать от Родины, не забросать ни долларами, ни декретами, ни указами, ни расстрелами, ни амнистиями, ни реформами, как могилу матери, не залить цементом:

Жив живучестью потайной -

так под камнем

родится Кама.

Никому -

лишь тебе одной

как-нибудь я поплачусь, мама.

На их тайное умение - умервщлять нас, в нас - тайное умение отряхнуть с себя спидовых насекомых...

Прощаясь с замечательным русским поэтом и человеком, Владимиром Семакиным, я дарю ему и тебе, мой читатель, с вашего разрешения, дарю стихотворение, выношенное мною в нынешней клубящейся непогоде прорабствующих подлецов:

За пагубы, за недород,

Неизлечимый год от года,

Вас, наглых, презирал народ,

Но вы от имени народа

Вручали нищенства суму,

Учили амбразурам в риске,

То тюрьмы строили ему,

То возводили обелиски.

Казнители и торгоши,

Частично канувшие в Лету,

Сегодня все вы хороши,

И даже виноватых нету!

И там, где плачут тополя,

Бежит, бежит во мглу тумана

От ваших похотей земля,

Как от пожаров Тамерлана,

Расстреливали на пути,

Искали чуда в партбилете...

Семьи здоровой не найти,

Смеяться не умеют дети.

Страшнее, чем в писанье том,

И мор, и розни ножевые,

Тем, что лежали под крестом,

Завидовали, впрямь,

живые!

Россия, боли залуша,

Решительней мы с каждой пядью,

Но не сошла еще душа

Твоя с масонского распятья.

Господи!.. Сын божий, Христос наш непобедимый, дай нам надежду!..

1985 - 1997

* Баллада написана в 1988 году.